

Наши публикации

Москвичам хорошо знакомо творчество известной польской певицы Анны Герман. В конце шестидесятых годов ею была написана книга «Вернись в Сорренто?..», рассказывающая о пути певицы. Дважды эта книга издавалась в Польше. В следующем году в издательстве «Радуга» она выйдет и в переводе на русский язык. Предлагаем вниманию читателей отрывок из книги.

Анна ГЕРМАН

ПЕРВАЯ ПЛАСТИНКА

1

Октябрь 1966 года был на редкость теплым и солнечным. Я сидела в своем номере, в гостинице «Варшава», набрасывая в блокноте перечень дел на завтра. Их набралось ужасно много.

Поскольку в Варшаве у меня не было квартиры, я всегда стремилась как можно быстрее закончить самые неотложные дела, чтобы тем самым свести свое пребывание в гостиницах до минимума. Разумеется, из финансовых соображений. Существенную часть моих гонораров поглощали кассы варшавских гостиниц.

Мои раздумья — успею ли я за час доехать до радиокомитета и обратно — прервал телефонный звонок. Я взяла трубку и услышала мужской голос, обладатель которого проинформировал меня, что звонит из Милана, что будет в Варшаве через несколько дней и осведомляется, не хотела бы я подписать договор на три года с миланской студией грамзаписи.

Выслушав все это, я лихорадочно перебирала в уме имена своих знакомых, силясь отгадать, кто же автор розыгрыша. В конце концов решила, что это не кто иной, как один мой приятель. Видимо, он приехал в Варшаву, и теперь, пользуясь своим, непостижимым для нас, простых смертных, даром перевоплощения, развлекается, дурача знакомых.

Я не поддавалась, посмеиваясь и уверяя, разумеется, по-польски, что на сей раз ему меня не провести. Однако уже в следующую минуту я с изумлением обнаружила, что на другом конце провода меня в самом деле совершенно не понимают. Чему же удивляться, если это был настоящий итальянец, не знавший ни одного польского слова?

Спустя несколько дней действительно прилетел господин Пьетро Карриаджи — лысеющий блондин, но истинный итальянец.

Надо, пожалуй, упомянуть, как вышло, что мне позвонили из Милана. Редактор одной из наших радиостудий поддерживает постоянные контакты с итальянскими студиями, которые присылают ему новинки из Италии. В ответ пан редактор шлет им польские пластинки. В числе других дисков оказался и мой, долгоиграющий. Пластика понравилась, а моя кандидатура, как я узнала позже, прошла единогласно.

Мое пребывание в Милане пришлось на период холодов и туманов — на ноябрь и декабрь. Здесь холодней, чем в расположенном много южнее Риме. Тут даже часто выпадает снег, который, впрочем, довольно быстро тает. В гостинице было холодно, мне пришлось попросить еще одно одеяло. Вот почему зелень, солнце, двадцать

2

градусов тепла так очаровали меня в Сан-Ремо. Но поскольку все же стояла зима — по крайней мере, согласно календарю, — то по улочкам городка прогуливались дамы из так называемого высшего света, разодетые в столь же великолепные, сколь и дорогие меха, — нечто вроде нескончаемой демонстрации мехов. И все это под теплыми лучами солнца, на фоне зеленеющих кустарников, деревьев, листва которых даже не собиралась сменить свой сочный зеленый цвет на какой-либо иной!

Со следующего дня начались репетиции с оркестром в зале, знакомом мне по телевизионным передачам. Как обычно, уже с утра я ощутила волнение, на этот раз, пожалуй, не без повода. И тут я позволю себе отвлечься и вернуться в Польшу. Дома я очень любила репетиции: ведь и ответственность еще не такая, и публики в зале нет, есть возможность все повторить, все исправить. Особенно приятными были репетиции в «Лесной опере» в Сопоте. Уже спозаранку от Гранд-отеля к «Лесной опере» и обратно начинал регулярно курсировать маленький автобус, предназначенный для участников фестиваля.

Не премину, кстати, отметить, что ни разу за рубежом я не встречала такой хорошей организации фестивалей. Итак, приезжаешь в «Лесную оперу». Огромный зрительный зал пуст, лишь белеют ряды сидений. Сквозь полотняную крышу там и сям пробиваются неяркие солнечные лучики. Эта чудесная полотняная крыша, разрисованная широкими, пастельных тонов полосами, надежно оберегала не только от дождя, но и от солнца, которого, увы, не бывало в избытке. Во всяком случае, как-то не припоминаю, чтобы в дни сопотских фестивалей стояла жара.

Но позволю себе еще несколько слов о крыше. Так вот, эта крыша всегда напоминала мне наполненный ветром парус, особенно, когда я стояла на возвышении у микрофона и видела перед собой лишь полосатый тент, а позади него небо.

Очень нравились мне репетиции в Сопоте... За дирижера пультом — лущителем и опоры всех музыкантов — пан Стефан Рахонь, его оркестр — преданные, дружелюбные, всегда готовые помочь музыканты. Внизу, возле сцены, — телевизионной группы, несколько фоторепортеров, режиссеры, ожидающие своей очереди, участники фестиваля. И ни единого недоброжелателя чужака, чье присутствие могло бы отрицательно повлиять на твоё настроение!

К сожалению, в жизни все, как правило, свершается без репетиций. Даже

3

в воспоминаниях трудно мне расстаться с родиной, но — «дело есть дело».

Итак, возвращаюсь в Сан-Ремо. Хоть — нет. Пока еще нет...

Перед Сопотом свершилось мое первое «большое заграничное турне». Поездки в ГДР для выступления по телевидению не в счет, потому что это совсем близко, всего несколько часов по железной дороге. Меня ожидала поездка с большой группой артистов в Советский Союз. Маршрут был интересный и длинный — до самого Черного моря. На то время, когда проходил фестиваль в Сопоте, я должна была получить «пропуск» в Польшу. Так все и вышло. Группа, сердечно попрощавшись со мной, дала мне наказ, чтобы без награды я не возвращалась.

Вот еще почему так обрадовало меня первое место за «Танцующие Эвридики» — в день польской песни и третье — в день международной песни.

Я была в СССР четырежды и всякий раз убеждалась в необыкновенной музыкальности и отзывчивости публики. Такой благодарной, душевной, отлично разбирающейся в музыке публики я не встретила нигде. Ее нельзя обмануть. Она всегда сделает верный выбор, самыми горячими аплодисментами наградит отнюдь не самую эффектную, а именно хорошую песню. А на концертах реагируют и решают тут же — ведь времени на размышления, повторного прослушивания нет. Нас принимали необыкновенно сердечно, приглашали домой, на семейные торжества.

На довольно часто задаваемые мне вопросы — как в Польше, так и за границей — «Какие вы записали пластинки, где можно их купить?», я была вынуждена со смущенной улыбкой отвечать, что моя пластинка еще не вышла, но что несомненно вскоре мне предложат ее записать. Ибо для певицы, оказавшейся за границей, пластинка является доказательством его популярности в собственной стране, его профессионального уровня, но прежде всего — фактом, оправдывающим и объясняющим его выступления на зарубежной эстраде. Одним словом, это своеобразное доказательство признания.

Мне очень хотелось иметь такое подтверждение. Я мечтала о нем, но... все еще не имела шансов стать «пророком в своем отечестве».

Несмотря на это, в Московской студии грампластинок на улице Станкевича, 8, решились рискнуть. Мне предложили записать пластинку. Целую большую долгоиграющую пластинку! Я страшно обрадовалась. Согласилась за-

4

писываться немедленно, хотя могла бы делать это после концертов. Порой у нас бывало по три концерта ежедневно, уставала я очень. Однако на студию являлась пунктуально. И усталость проходила, настолько захватывала, радовала и поднимала настроение работа. Ведь это была моя первая пластинка!..

Но вернемся, наконец, в Италию. В Милане мне предстоял цикл концертов, организованных редакцией газеты «Унигата».

До предполагавшейся серии концертов мне предстояло получить награду, присуждаемую ежегодно в Виареджио самым обаятельным, самым лучшим исполнителем. Торжественная церемония вручения «Оскара» соединялась с концертом, на котором лауреаты выступали перед многотысячной толпой.

Примерно около девяти часов амфитеатр под открытым небом уже наполнился людьми. Начался длинный, трехчасовой концерт. Выступали не только лауреаты — они выходили на сцену последними, и концерт заканчивался торжественным звучением награды. Статуэтка представляла собой отлитую из бронзы девушку с гитарой на черной подставке из гранита.

Среди получивших «Оскара» были Катарина Валенте, Адриано Челентано, Рокки Робертс. «Оскар» был вручен также нескольким театральным и киноактерам.

Для меня это выступление явилось генеральной репетицией перед моими сольными концертами в Милане. Я уже знала наперед, что они пройдут хорошо, так как публика в Виареджио принимала меня исключительно тепло. Скромность не позволяет мне сказать — восторженно.

Однако нашелся некий господин — конферансье, который несколько омрачил мою радость на этом концерте. Господин сей вообще недолюбливал женщин, и когда ему приходилось объявлять певицу, он делал это неохотно, холодно, я бы сказала — лишь «по долгу службы». Если же «виновная» осмеливалась при этом быть выше него ростом — господин конферансье считал данное обстоятельство личным оскорблением и обставлял.

Он таким образом объявил мой номер, что я даже растерялась, но вынуждена была взять себя в руки и петь. Когда я закончила, конферансье вышел на сцену и, присев возле меня на корточки, задрал голову, с шутливой миной спросил: «Ну, а теперь скажите нам, сколько в вас метров». Я ответила ему внешне спокойно: «Сколько метров — не имеет значения. Важно, что я безусловно выше вас». Веселый смех зрительного зала вознаграждал меня за перенесенную обиду.